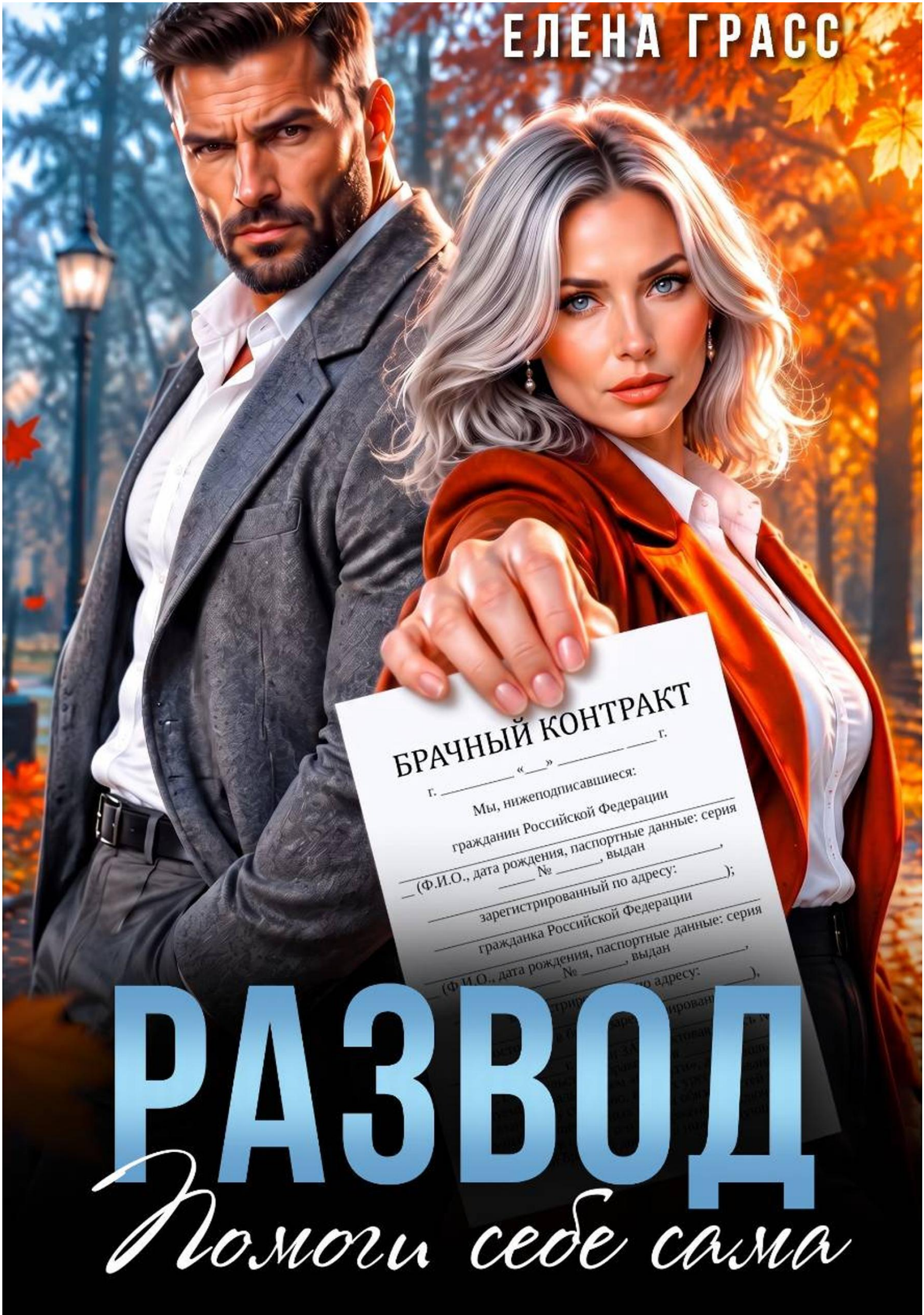

ЕЛЕНА ГРАСС
БРАЧНЫЙ КОНТРАКТ
г. _____ «___» _____ ___ г.
Мы, нижеподписавшиеся:
гражданин Российской Федерации
_____
_____ (Ф.И.О., дата рождения, паспортные данные: серия
_____ № _____, выдан
_____,
зарегистрированный по адресу:
_____);
гражданка Российской Федерации
_____
_____ (Ф.И.О., дата рождения, паспортные данные: серия
_____ № _____, выдан
_____,
_____ адресу:
_____),
РАЗВОД
Помоги себе сама

Елена Грасс

Развод, Помоги себе сама

«Автор»
2026

Грасс Е.

Развод, Помоги себе сама / Е. Грасс — «Автор», 2026

Приятельница внимательно смотрит на меня.— Ксюш, всё в порядке?
— Всё нормально, — торопливо отвечаю я. — Давай кофе закажем?Мы начинаем обсуждать обычные темы: она спрашивает о бизнесе и дочери. Потом обсуждаем погоду, планы.Я почти успеваю расслабиться, когда Таисия вдруг спрашивает:— Кстати, как вы отдохнули во Франции? Мы в восторге! Я медленно поднимаю на неё глаза.— Во Франции?— Ну да. Вы же тоже были там недавно, — она удивлённо моргает. — В то же время, что и мы.— Когда?— Три месяца назад. Ты что, не помнишь?— Я Я — не нахожусь, что ответить, пытаясь восстановить в памяти события трёхмесячной давности.— Ксюш, ты чего? Вспоминай!Я вообще перестаю что-либо понимать.— Таись, — голос звучит непривычно глухо. — Три месяца назад меня не было во Франции.— Ну как же! Я же не сошла с ума! Я точно помню, как столкнулась с твоим мужем на выходе из ресторана. Мы тогда еще так мило поболтали

© Грасс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 26
Глава 9 28
Глава 10 31
Глава 11 34
Глава 12 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Елена Грасс
Развод, Помоги себе сама

Глава 1

— Неужели я сегодня освободилась так рано? — с облегчением выдыхаю я, бросая взгляд на часы. Стрелки замерли на пяти вечера. — Просто невероятно!

Осознав, что у меня неожиданно появилось свободное время, я испытываю почти детский восторг. Не могу вспомнить, когда в последний раз освобождалась так рано.

Беру в руки телефон и уже собираюсь позвонить мужу, но тут же передумываю: хочется устроить Мирону небольшой сюрприз.

По дороге я заезжаю в небольшую кондитерскую рядом с домом, покупаю его любимый тарт с клубникой и тороплюсь домой. И только у самых ворот соображаю, что стоило бы купить продукты для ужина.

Ну ничего — войду в дом и сразу оформлю доставку.

Муж не любит ресторанную еду, но я не успеваю каждый день готовить. Поэтому сегодня я пытаюсь воплотить в жизнь все его маленькие радости: присутствие жены дома, вкусный домашний ужин и любимый клубничный тарт.

Я открываю дверь, переступаю порог и сразу понимаю: что-то не так.

В доме непривычно тихо. Не играет музыка — Мирон почти всегда включает её, когда работает из дома. Не слышно воды в ванной, не гудит кофемашина.

Даже воздух кажется неподвижным и тяжёлым.

Я медленно снимаю пальто, ставлю коробку с тартом на тумбу в прихожей и прислушиваюсь.

— Мирон? Дорогой? — тихо окликаю его я.

В ответ — тишина.

Странно… Час назад он скинул сообщение, что уже добрался домой и ждёт меня дома.

Ту же до меня доходит: вероятно, он просто не слышит меня. Возможно, закрылся в кабинете и занят делами. Или вышел на балкон поговорить по телефону. А может, уже уснул в спальне.

Он ведь устаёт не меньше, чем я.

Как говорит моя мама: мы оба работаем на износ. Где-то я с ней согласна, но по-другому нельзя, когда у тебя своё дело.

Ты не можешь просто закрыть дверь в конце дня и забыть обо всём до утра — мысли, планы, проблемы и ответственность всегда остаются с тобой.

Но я верю, что однажды мы сможем позволить себе немного больше отдыха и времени друг для друга.

Оставив вещи в прихожей, засунув тарт в холодильник, иду по коридору вглубь дома и замечаю свет, льющийся из его кабинета.

Ну вот, я так и думала: домой – то он пораньше приехал, но работать не перестал.

Приоткрываю дверь и замечаю, что мой муж сидит не за рабочим столом, а на диване.

Он держит ноутбук на коленях и смотрит пристально в экран.

На нём тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами, и я сразу вижу, как напряжены мышцы на его руках.

Не сразу понимаю, что из динамиков ноутбука доносятся какие-то странные звуки, но когда слышу, разобрать суть происходящего не могу.

Кажется, то ли чавканье, то ли причмокивание, то ли что-то подобное.

— Мирон… — шире открываю дверь, и, как только обращаюсь к нему, он, наконец, отрывает глаза от ноутбука и поднимает на меня глаза.

От того, как он смотрит на меня, холодок бежит по позвоночнику.

Его взгляд какой-то жестокий и совершенно чужой — будто передо мной сидит не человек, которого я знаю столько лет, а кто-то другой, незнакомый и опасный.

Я замираю на пороге, так и не решаясь сделать шаг вперёд.

— Что случилось? — спрашиваю почти шёпотом.

Он медленно закрывает крышку ноутбука.

Звуки прекращаются, и в комнате становится непривычно тихо. Слышно лишь, как за окном по стеклу бьёт ветка дерева от неожиданно откуда-то появившегося ветра.

— Случилось…

— Что?

— А ты, правда, не понимаешь? — произносит он странный вопрос.

— Нет, а должна?

Мирон медленно встаёт и выпрямляется. Он засовывает руки в карманы штанов, и я вижу, как сжимаются его кулаки.

— Да, — отвечает он. — Должна. Скажи мне для начала: откуда ты едешь?

— С работы.

— Тебя там не было, — повышает голос.

— Мир, что с тобой? Ладно, я не так сказала. У меня должна была состояться встреча. Но связана она с нашим проектом. Ты не помнишь?

— С кем конкретно ты встречалась? Люди! Фамилии! Должности! — снова говорит довольно грубо.

— Что за допрос! И что с твоим настроением?!

Он, игнорируя моё негодование, проходит мимо так резко, что едва не задевает меня плечом. Даже не смотрит в мою сторону — молча направляется на кухню.

Достаёт графин, берёт стакан и наливает воду почти до самого края. Выпивает одним жадным глотком, словно не пил целую вечность. Затем распахивает дверцу холодильника.

Его взгляд цепляется за любимое блюдо. Без единой эмоции на лице он достаёт тарелку, берёт ложку и начинает есть прямо стоя у холодильника. Один кусок. Второй.

А потом вдруг замирает и в следующую секунду с неожиданной яростью швыряет тарелку в стену.

Я вздрагиваю так сильно, будто удар пришёлся по мне самой.

По кухне прокатывается глухой, страшный грохот. Осколки разлетаются по полу, куски еды падают следом, а на стене остаются липкие разводы.

У меня перехватывает дыхание.

Я ошеломлённо смотрю на разбитую посуду, потом медленно перевожу взгляд на него и с трудом сглатываю.

— Мирон… — голос срывается, и я замолкаю, не зная, что дальше сказать.

Мне хочется подойти, спросить, что с ним происходит, но я не решаюсь. Ноги будто приросли к полу.

— Где ты была?! — снова задаёт тот же вопрос, что задавал несколько минут назад.

— Я же сказала! На встрече. Но она отменилась. Ты можешь сказать, что случилось? Почему ты ведёшь себя как…

— Как кто?

— Как… дикарь!

— Дикарь, говоришь? Нет, я не дикарь! Я идиот, и рогоносец! А ты… ты стерва, Ксения! Подлая стерва и обманщица!

От того, как он оскорбляет меня и как произносит моё имя, внутри всё сжимается. Мирон никогда не оскорблял меня, и уж тем более не называл такими словами.

Да и Ксенией он меня редко называл. Для него я всегда Ксюша, Ксюня, Ксеня, а Ксения только на работе.

Не произнося больше ни слова, он разворачивается и спешит обратно к себе в кабинет.

Затем возвращается и протягивает мне ноутбук, который совсем недавно держал в руках.

— Открой.

— Зачем?

— Открой, — повторяет он.

Подчиняюсь, но действую медленно. Руки трясутся от волнения. Хотя, почему — не знаю. Я ведь ни в чём перед ним не виновата.

Теряя терпение, не дождавшись, когда я возьму в руки ноутбук, он толкает меня чуть в сторону и склоняется над ним.

Проводит какие-то манипуляции, и я понимаю, что он открывает видео.

— На, смотри. Внимательно смотри! И думай, как будешь мне это объяснять.

— Что объяснять? — продолжаю пребывать в прострации.

— Глаза опусти в экран! Хватит тупых вопросов!

Видя, насколько он взбешён, проглатываю обиду и опускаю глаза в ноутбук.

Сначала я не понимаю, на что смотрю. На видео какая-то парковка возле ресторана, женщина в пальто, похожем на моё.

Она стоит вполоборота к камере, а рядом с ней — высокий мужчина. Его лицо почти не видно. А вот её очень даже.

Оно размыто, но, кажется, мне очень знакомым.

— Где мои очки? — растерянно спрашиваю я, щурясь на экран.

В последнее время зрение совсем подводит: всё расплывается, буквы сливаются в одно пятно. Пришлось купить очки, хотя я до сих пор никак не могу к ним привыкнуть.

Мирон резко ставит видео на паузу и, ничего не ответив, стремительно уходит в коридор. Через несколько секунд возвращается с моей сумкой в руке.

Он швыряет её в мою сторону.

Я едва успеваю отпрянуть — сумка проносится в нескольких сантиметрах от лица и тяжело падает рядом.

— Ты вообще с ума сошёл?! — возмущённо выдыхаю я, чувствуя, как от испуга дрожит голос. — Что с тобой сегодня? Какая муха тебя укусила?!

Его взгляд становится жёстким и холодным.

— Надень очки и продолжай смотреть, — отрезает он. — А о мухах поговорим потом.

Он снова включает видео, и я вижу, как мужчина наклоняется к женщине. Целует её. А следом открывает дверь машины и, раздевая, толкает на заднее сидение.

Склоняюсь над видео ближе. Но не потому, что мне интересно, чем всё закончится. Просто я вдруг понимаю: женщина на экране слишком сильно напоминает меня.

Дверь машины не закрывается. Всё выглядит так, словно парочка хочет продемонстрировать то, что собирается делать.

А дальше… Дальше они… Они что? Моргаю…

Они начинают заниматься любовью.

Звуки, характерные для подобных занятий громко разносятся по комнате.

— Ну что скажешь мне, жена? — выплёвывает брезгливо последнее слово Мирон. — Никого не напоминает тебе эта женщина?

Глава 2

— Напоминает, — не задумываясь ни на мгновение говорю я. — Но это не я!

Мирон смотрит на меня неподвижно. Его лицо почти ничего не выражает — и от этого становится ещё страшнее.

Ни крика, ни обвинений, ни привычной насмешки в уголках губ. Только холодный, изучающий взгляд.

Запись обрывается.

На долю секунды в комнате повисает спасительная тишина, и я успеваю сделать спасительный вдох.

Но Мирон нажимает на кнопку снова.

Будто нарочно. Будто ему мало одного раза. Словно ему доставляет удовольствие видеть моё состояние.

Экран вспыхивает, по комнате опять расползаются чужие, липкие, неприличные звуки.

— Выключи звук! — повышаю голос. Но он не реагирует. — Мирон, выключи немедленно! — почти кричу я, пытаясь перекричать этот кошмар.

Он даже не смотрит на ноутбук. Продолжает смотреть только на меня.

Как следователь. Как человек, который уже вынес приговор и теперь ждёт, когда я сама подпишу признание своей вины.

У меня дрожат руки. Я делаю шаг к дивану, где лежит ноутбук, и захлопываю крышку.

Резко. С силой.

Тишина накрывает комнату мгновенно.

— Рассказывай.

Он садится на диван и чуть наклоняется вперёд.

Когда он говорит это, я почему-то не смотрю ему в глаза. Я смотрю на его руки.

Пальцы сцеплены в замок, но в них нет ни дрожи, ни волнение. Спокойная реакция. Слишком спокойная.

Словно он уже готов к чему-то, чего я раньше даже представить не могла.

— Мне нечего тебе рассказывать. Женщина на видео действительно похожа на меня. Но это всё.

— Нет, не всё! — произносит он тихо, отчего по коже бегут мурашки. — У неё та же фигура, что и у тебя. Те же длинные светлые волосы! То же пальто, которое ты купила прошлой осенью и носишь довольно часто. Но главное, она — это ты. Один в один.

— Это ничего не доказывает.

— Почему? у тебя есть сестра-близнец, на которую мы можем перевести все твои... грехи?

— Нет. Но мне мало видеть того, что я видела. А тебе?

— Мне достаточно.

— То есть ты намекаешь на то, что безоговорочно веришь в это?

— Верю.

Его поведение ранит. Разве человек, который любит другого так себя ведёт?

Разве, получив подобное, он не должен сказать: «я верю тебе», «давай разберёмся», «я найду того, кто прислал нам эту грязь...».

Я чувствую, как к глазам подступают слёзы, но упрямо моргаю, не позволяя им пролиться.

— Мирон… — Я нервно усмехаюсь, потому что происходящее кажется безумием. — Прекрати! Ты серьёзно?

Он берёт в руки ноутбук, встаёт и разворачивается, чтобы уйти. Но теперь я не намерена его отпускать.

— Ты куда собрался? — бросаю ему вслед, когда Мирон разворачивается к выходу.

— В кабинет.

— Зачем?

— А как думаешь? Позвоню юристам, — когда он говорит последние слова, он оборачивается через плечо, и я замечаю, как на его губах появляется странная, почти зловещая улыбка.

Одним простым предложением он намекает мне на то, что вопрос нашего развода уже решён, а ему остаётся только обсудить детали.

У меня внутри всё холодеет. Я не готова к подобному развитию событий.

Муж успевает сделать лишь пару шагов. Я бросаюсь за ним, цепляюсь пальцами за рукав его рубашки и заставляю остановиться.

— Мирон, посмотри на меня, — голос дрожит, но я пытаюсь говорить твёрдо. — Я тебе не изменяла. Ты взрослый человек, успешный бизнесмен. Ты же понимаешь: сейчас можно сделать любую фальшивую запись так, что она будет выглядеть правдоподобно. Но почему ты вообще допускаешь, что это правда?

Он переводит взгляд на мою руку, сжимающую его рукав, затем медленно поднимает глаза на меня.

А я всё ещё не могу поверить, что это происходит.

Да, Мирон всегда был ревнивым. Я знала это с первых месяцев наших отношений. Мужчины часто обращали на меня внимание: я умела поддержать разговор, не терялась в любой компании, следила за собой.

Светлые волосы, стройная фигура, и острый ум — всё это всегда притягивало ко мне чужие взгляды и внимание.

Но я никогда не флиртовала за его спиной. Никогда не давала повода усомниться во мне.

Мирон прекрасно знал, какое впечатление я производила на мужчин. И раньше их внимание скорее льстило ему, чем задевало. Он воспринимал его как подтверждение того, что рядом с ним находится привлекательная женщина.

Но что изменилось теперь? Почему он ни на секунду не усомнился в том, что на записи именно я?

Он всегда уверял, что доверяет мне. А сейчас смотрит так, словно я уже совершила предательство. Разве это не странно? По крайней мере, для меня — безусловно.

Кто-то отправляет ему непонятное видео — без объяснений, без каких-либо подтверждений, явно рассчитывая посеять между нами сомнения, а Мирон почти сразу принимает увиденное за истину.

Словно одного ролика достаточно, чтобы перечеркнуть всё, что мы создавали вместе.

И, похоже, его совершенно не волнует, что возможный развод ударит не только по нашей семье, но и по общему бизнесу.

Мы с Мироном слишком многое построили вдвоём. Мы не просто муж и жена — мы деловые партнёры, люди, которые годами развивали одну компанию, вместе принимали решения, шли на риск и поддерживали друг друга в самые трудные времена.

Мы знаем, на что каждый из нас способен, умеем распределять обязанности и находить компромисс даже тогда, когда наши взгляды расходятся.

Именно благодаря этому наша компания прочно стоит на ногах и продолжает быстро расти.

Наши конкуренты прекрасно понимают, насколько мы сильны вместе. Они знают: по отдельности нас будет гораздо легче ослабить, вынудить принять невыгодные условия, вытеснить с рынка или подтолкнуть к ошибке.

Пока мы действуем как единая команда, сделать это почти невозможно. Но стоит между нами появиться трещине — и ситуация изменится. Если личный конфликт начнёт разрушать рабочие отношения, всё станет намного проще.

И к этому приведёт только одно: если наша семья распадётся, а мы с Мироном действительно разведёмся.

А он, получается, этому способствует?

— Не надо.

— Что — не надо?

— Не надо унижаться передо мной, Ксения. Ты выглядишь… жалко.

— Я не унижаюсь. Мне не за что унижаться! Но меня пугает, как ты просто поверил в видео.

Мирон коротко смеётся.

— Что смешного я сказала?

— Ты предлагаешь мне сидеть и раз за разом прокручивать запись, где ты… скачешь на заднем сидении с каким-то мужиком и выискивать подвох? Нет уж! Уволь! Я не извращенец!

— Это не я! — уже практически кричу.

— Прекрати орать! Ты хотя бы понимаешь, как это выглядит? — Носам Мирон разговаривает подобным же образом. — Ты понимаешь, что я чувствую, когда вижу это?

Я не знаю, что ответить. Конечно, понимаю. И допускаю мысль, что ему больно.

Но будь я на его месте, я вряд ли поверила подобному без тщательной экспертизы.

— Ты прав, звони юристам.

Мирон внимательно смотрит на меня и недоверчиво спрашивает:

— Ты действительно готова к тому, что мы разведёмся?

Глава 3

— Разводиться? Нет! Конечно, нет! А ты что, согласен?

Мирон не отвечает. Несколько бесконечно долгих секунд он стоит напротив меня, неподвижный, с напряжённо сжатыми губами. Затем молча разворачивается и уходит в спальню.

Я остаюсь на кухне одна.

Не успеваю даже подумать, что мне делать дальше, когда вижу одетого мужа выходящего из комнаты.

Проходя мимо, он не смотрит на меня. И всё же я чувствую, как внутри робко, почти болезненно поднимается надежда.

Он согласился на моё предложение и собрался ехать со мной — разбираться, проверять, искать ответы.

Значит, он готов хотя бы выслушать меня. Значит, у меня ещё есть шанс доказать, что это видео — ложь, подстава или чья-то жестокая игра.

Но главное, о чём я думаю: может быть, нам всё-таки удастся понять, что происходит. Вместе!

— На какой машине поедем?

— На любой, — отвечаю я, торопливо натягивая обувь.

— Правда, я не знаю, что ты хочешь мне доказать.

Ну вот зачем он говорит эти слова? И так на душе кошки скребут.

— Мирон, а тебя самого ничего не смутило? — стараюсь не акцентировать внимание на своём настроении.

— Нет. А что меня должно смутить? — садится за руль, но машину не заводит.

Теперь я вижу, как он сосредоточен на моём вопросе.

Глядя на него, я вдохновляюсь. У меня, вероятно, есть все шансы, что мы сможем разобраться в этой истории. И мне очень хотелось бы, чтобы мы сделали это вместе.

— Дата на видео.

— Что с ней? — не понимает меня муж.

— Какая там стояла дата? — я чувствую, как мысли начинают торопливо складываться в одну цепочку. — Ты заметил? Я — нет. Всё произошло так быстро. Я смотрела на картинку, на людей, на это место. Но дату я не помню. Когда это было? Когда я… то есть не я, конечно, делала это?

Слово «изменила» даже язык не поворачивается произносить.

Он медленно закрывает глаза и откидывается на спинку водительского кресла.

Я вижу, как напрягаются его скулы. Он пытается вспомнить. Прокручивает увиденное в памяти так же, как это делаю я.

Проходит несколько секунд.

— Не знаю. Ты предлагаешь снова смотреть это?

— Нет. Сначала мы едем к тому центру, где было снято это идиотское видео. Нам нужно понять: есть ли подобное у них.

— Ты что, правда собираешься заниматься расследованием? — он так громко хмыкает, словно не верит в успешность моего стремления разобраться.

— А у нас есть выбор?

— Конечно. Не лучше ли отдать записи тем, кто сможет разобраться с этим делом.

Теперь я вообще перестаю что – либо понимать. Он рассуждает нелогично.

Как только я пришла домой, он даже разбираться не хотел и угрожал разводом, а теперь предлагает отдать записи профессионалам?

Мирон вроде умный мужик, а сегодня… сегодня он словно не мой муж. Поведение нетипичное, решения тоже. Но самое удивительное, что эти решения принимаются как-то словно впопыхах.

— Что ты на меня так смотришь? — он, вероятно, замечает мой растерянный взгляд.

— Ничего. Поехали.

Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не заметил, как дрожат у меня губы. Мне обидно, что он настолько бездушно относится к этой ситуации.

Муж заводит машину резко, с раздражением. Машину он ведёт молча, крепко сжав руль.

— Сюда, — говорю я через несколько минут, когда впереди показывается знакомый фасад.

Торговый центр выглядит почти так же, как на видео. Большие стеклянные двери, яркие рекламные экраны, вывеска кофейни на углу, магазин техники этажом выше. Именно по ним мы и узнали это место.

Мирон ещё не успевает заглушить двигатель, когда я уже выбираюсь из машины и, не дожидаясь его, иду к вращающимся дверям.

Людей в торговом центре немного. Редкие покупатели торопятся к выходу, а мы спешим внутрь.

У стойки охраны сидят двое мужчин в тёмной форме. Один листает что-то в телефоне, второй смотрит на нас без особого интереса.

Вот мне – то они и нужны!

— Добрый вечер, — начинаю я, стараясь говорить спокойно. — Нам нужна информация с камер видеонаблюдения.

Один из охранников медленно поднимает на меня глаза.

— Зачем?

Я запинаюсь. Не знаю, что ответить на этот вопрос. Сказать правду — точно не вариант.

Ища поддержки, поворачиваю лицо к мужу. Мирон стоит рядом и смотрит на меня, словно он вместе с охранником ждёт ответа.

— Личному, — отвечает он вместо меня, догадавшись, что я жду от него хоть какого-то слова. — Нам нужно посмотреть один эпизод. Это важно.

— Записи просто так не предоставляются, — равнодушно говорит второй охранник, включаясь в наш разговор. — Только по официальному запросу. И только от правоохранительных органов.

— А если это касается личных вопросов?

— Каких? У вас что-то украли в торговом центре?

— Нет.

— На парковке?

— Нет, — снова в унисон отвеваем мы с мужем.

— Ну тогда вообще о чём разговор?

Охранники, понимая, что данный вопрос не касается их работы, хотят отвернуться, но я не успокаиваюсь.

— Мы можем поговорить с управляющим? — спрашиваю я.

Первый охранник крутит головой.

— Руководства уже нет. Если у вас такой критичный вопрос, завтра приходите в рабочее время.

— А вы сами не можете открыть камеры? — я слышу, как в голосе появляется отчаяние. — Нам не нужны все записи. Только небольшой отрезок. Мы знаем место, время примерно тоже знаем.

Мужчина смотрит на меня так, будто я прошу у него ключи от банковского хранилища.

— Женщина, ну вам же всё сказали: не можем. У нас нет таких полномочий. Доступ к архиву не в нашей компетенции.

— Но ведь камеры у вас…

— Камеры есть, — перебивает он. — А права выдавать кому-то видео — нет.

Мирон вдруг оживляется и, поворачиваясь ко мне, недовольно бурчит:

— Я же говорил: нужно отдать это тем, кто умеет разбираться.

Это его вечное желание доказать, что он прав сегодня выглядит каким-то фанатичным.

— Спасибо, — сухо говорю охранникам и разворачиваюсь, чтобы уйти.

На улице я несколько минут стою возле машины и обнимаю себя руками. Всё оказалось так просто, но так безнадёжно.

— Садись в машину, — ждёт меня Мирон с заведённым двигателем.

Но я не могу. Я начинаю плакать, но не хочу, чтобы он видел мои слёзы.

Это слёзы самой настоящей обиды. Обиды на мужа. За его неверие в меня, за беспечность отношения к странной и одновременно страшной ситуации.

Мне казалось, что и здесь, столкнувшись с подобным событием, мы должны быть так же, как и в бизнесе — в одной связке.

Но Мирон словно закрылся от меня и больше мне не доверяет. Неужели ревность оказалась сильнее здравого смысла?!

— Поехали к юристам. Они хотя бы объяснят, как правильно запросить запись, — наспех вытирая слёзы, говорю мужу.

Мирон ничего не отвечает.

Я достаю телефон и смотрю на время. Уже поздно.

— Стой.

— Чего ещё?

— На время посмотри. Они, вероятно, уже не в офисе.

— Точно... Ладно, давай не будем тревожить людей. Завтра с утра позвоню, договорюсь о встрече и покажу им всё.

— Хорошо, — соглашаюсь с ним потому, что другого варианта всё равно нет. — Завтра так завтра.

Я сажусь в машину и пристёгиваюсь. А когда Мирон трогается с места, украдкой смотрю на его профиль.

Мирон... Что с тобой? Почему я вдруг превратилась для тебя в чужого человека, которому ты не хочешь верить? Я действительно не понимаю!

Глава 4

На следующий день мы приезжаем в центр рано утром. Ночью я почти не сплю, поэтому дорога кажется бесконечной.

Я вижу, что Мирон тоже не в лучшем настроении. Он ведёт машину молча и даже не пытается завести со мной разговор.

Его руки крепко сжимают руль, взгляд всё время прикован к дороге. Он почти не смотрит в мою сторону, и от этого мне становится ещё тяжелее.

Несколько раз я открываю рот, чтобы что-то сказать, но каждый раз передумываю.

Я не знаю, как заговорить с ним так, чтобы не вызвать новую вспышку раздражения. Ссориться совсем не хочется.

Не знаю, кажется мне или нет, но у меня теперь есть чёткое ощущение, будто между нами появилась невидимая преграда.

Я пытаюсь убедить себя, что Мирон расстроен и ему нужно время, чтобы разобраться в случившемся, но всё равно меня точит тревога, что он всё ещё сомневается во мне.

Хотя прошла всего лишь ночь. Чего ещё можно ожидать от такого ревнивого человека, как он?

Когда мы входим в здание центра, я ускоряю шаг в надежде быстрее попасть в кабинет начальника службы безопасности и получить ответ хотя бы о дате видео.

Нам сопутствует удача, и даже ждать не приходится. Он принимает нас в небольшом кабинете на первом этаже.

Это мужчина лет пятидесяти с усталым лицом и коротко подстриженными седыми волосами. Он представляется Станиславом Сергеевичем и предлагает нам присесть.

Первый с нами не заговаривает. Лишь внимательно смотрит то на меня, то на Мирона, будто ждёт от нас объяснений, зачем мы его потревожили.

— Я не знаю, с чего начать… — всё-таки начинает говорить Мирон нехотя. — Ситуация крайне деликатная и… непростая.

— Говорите как есть.

Мирон достаёт телефон и показывает ему запись.

Я наблюдаю, как начальник службы безопасности просматривает видео. Сначала его лицо остаётся безразличным, но постепенно брови сходятся к переносице.

Он несколько раз отматывает запись назад, останавливает изображение, приближает отдельные кадры.

Я сижу рядом опустив лицо и сцепив пальцы на коленях. То, что он прокручивает запись раз за разом, я понимаю по тем же вздохам и охам, которые слушала с Мироном, будучи вчера дома.

Мне хочется, чтобы он прекратил крутить эту запись и сказал мне, что у них есть подобная с записью, но мужчина молчит.

Через несколько минут Станислав Сергеевич возвращает телефон Мирону.

— Вы можете посмотреть, есть ли у вас подобная запись?

— Да, конечно. Но вам придётся подождать.

— Сколько? — одновременно спрашиваем мужчину.

— Не знаю, — он сидит задумавшись, и смотрит в окно. — Раз вы не хотите огласки…

— Не хотим! — одновременно говорим с Мироном.

— Да, я так и понял, — кивает нам понимающе. — Значит, не меньше дня. Мне же придётся всё просматривать самому. А это большой материал, сами понимаете.

— Не меньше дня... — тяжело вздыхаю я.

День теперь мне кажется какой-то слишком длинной величиной. Ожидание точит изнутри, не позволяя успокоиться.

— Вот вам за труды, — протягивает Мирон конверт мужику.

Тот благодарно кивает, убирает конверт и обещает выполнить работу как можно скорее.

— Сами понимаете, я ничего не могу вам обещать, — на всякий случай предупреждает нас о возможном неудачном исходе дела.

— А и не надо обещать. Только дату скажите, какая на видео и больше ничего не нужно.

После центра мы едем на работу. Мирон предлагает не откладывать разговор с начальником службы безопасности нашей компании.

Он больше не торопится к юристам, не говорит о разводе, и я цепляюсь за это изменение в его настроении, как за последнюю надежду, что он откинул эмоции и начал думать здраво.

Конечно, я уверена, что он передумает принимать такие кардинальные меры, как разводиться, но Мирон вчерашним запущенным тартом возле моего лица меня очень удивил, и поэтому я допускаю теперь чего угодно.

В кабинете начальника службы безопасности нашей компании мы не так откровенны. Теперь Мирон уже не показывает видео и не вдаётся в подробности.

Он лишь кратко говорит, что ему прислали запись, на которой я якобы нахожусь в интимной ситуации с другим мужчиной.

Слово «якобы» звучит для меня особенно важно, хотя Мирон произносит его без всякой интонации.

Начальник внимательно слушает нас и также как первый больше молчит.

— Вы уверены, что запись настоящая? — наконец-то спрашивает он.— Подобные материалы нередко используют, чтобы поссорить людей. Особенно супругов.

— Именно это мы и пытаемся выяснить, — отвечаю я. — Вероятно кому-то рассорить нас на руку.

— Если запись смонтирована качественно, самостоятельно разобраться будет сложно.

— Да, и именно поэтому мы хотим посоветоваться с вами.

— Простите, я не спец в оценке видео.

— Да, но вы многих знаете. Посоветуйте нам специалистов, к которым можно обратиться.

— Есть одна организация, которая занимается экспертизой видео и восстановлением удалённых данных. Насколько я знаю, они работают конфиденциально. Я знаю его хозяина, но сейчас он уехал заграницу. Можно поговорить с его замом.

Он записывает адрес на листке бумаги и передаёт его Мирону.

— Думаете, они смогут понять, настоящее видео или нет? — спрашиваю я.

— По крайней мере, дадут заключение. Посмотрят метаданные, монтажные склейки, изменения изображения. Иногда удаётся установить даже программу, в которой файл редактировали.

Я с надеждой смотрю на Мирона. Он кивает, хотя явно не испытывает энтузиазма.

Мы отправляемся туда почти сразу. Пока ожидаем встречи с заместителем руководителя агентства, я поворачиваюсь к Мирону и смотрю на него.

— Ты чего?

— Ничего.

— Не ври, Ксения. Говори.

— Мирон, я вижу, как тебе неприятно раз за разом говорить об этой ситуации.

— Конечно! Такое себе удовольствие смотреть подобное видео! — фыркает он, снова задевая меня.

— Я всё помню. Именно поэтому и решила: если ты не хочешь продолжать, то можешь отказаться.

Мирон поднимает на меня взгляд. В его глазах появляется непонимание.
— Отказаться от чего? От расследования? Ксюш, странно слышать от тебя такие слова...

Глава 5

— Мирон, почему ты всё переворачиваешь с ног на голову? — повышаю тон, забыв, где мы находимся. — Я совсем другое хотела сказать.

Директор компании принимает нас в просторном кабинете.

— Итак, рассказывайте. Я внимательно слушаю вас, — замечаю, как он смотрит на нас с профессиональным любопытством.

Я догадываюсь: он готов выслушать даже самые невероятные истории. Например, как наша.

Мирон садится прямо, будто готовится к допросу. Его плечи напряжены, на скулах ходят желваки.

Он сцепляет пальцы, потом резко разжимает их и кладёт ладони на колени.

— У нас есть кое-какая проблема, которую я хотел бы решить, — говорит он жёстким тоном. — Мне как мужу сложно говорить о таких вещах, но вас рекомендовали как отличного специалиста своего дела.

А дальше он начинает пересказывать всё то же самое, что говорил недавно.

Мирон который раз пересказывая эту загадочную историю, говорит зло и отрывисто. Будто каждое слово даётся ему с трудом.

Мне неприятно слушать это по новому кругу, но выбора нет.

Я перевожу взгляд на лицо мужа. Под глазами залегли тени, на щеке появилась щетина.

Мирон выглядит так, будто не спал всю ночь. Хотя о чём это я? Наверное, так и есть.

— Показывайте, что вы получили.

— Вот, — муж протягивает флешку и встаёт возле мужчины, пока тот открывает видео.

Заместитель директора просматривает его полностью, слушая, что говорит Мирон, не перебивая пояснения и не комментируя.

Затем он так же, как и я, сразу же обращает внимание на то, что на видео нет даты.

— Начальник службы безопасности обещал нам проверить записи в том же месте, где велась эта. Вероятно, у него будет ответ по поводу даты.

— Да, знать дату нужно. Ведь тогда нам будет составить вам алиби, — говоря эти слова, он смотрит именно на меня.

— Алиби? — переспрашиваю я с удивлением. — Какое алиби?! Я ни в чём перед мужем не виновата!

Когда две пары мужских глаз пристально смотрят на меня, моя выдержка трещит по швам. Я чувствую, как по коже разливается огонь возмущения.

Несмотря на то что этот мужчина говорит очевидные вещи, я всё равно сержусь на него. Подобная формулировка ранит меня.

Слово «алиби» звучит так, будто меня уже вызвали на допрос и осталось только зачитать приговор.

Мне хочется встать, выйти из кабинета и хлопнуть дверью, но я остаюсь на месте. Потому что это не поможет. Потому что тогда Мирон подумает, что я действительно есть что скрывать.

— Успокойтесь. Я понимаю ваше возмущение. Людям в вашей ситуации бывает непросто слышать даже правильные вопросы. Но нам важно восстановить картину дня, когда, по словам вашего мужа, была сделана запись. Где вы находились, с кем общались, были ли свидетели. Это не обвинение. Это просто данные, с которыми мы будем работать.

— Как здесь успокоишься, — бурчит Мирон, поглядывая на меня, возвращаясь в своё кресло.

— Нужно это сделать. Поверьте, вы не первые, кто обращается с подобной проблемой, — говорит мужчина. — К сожалению, мы сталкиваемся с такими историями не в первый раз.

Я поворачиваюсь к Мирону и осторожно кладу ладонь на его руку. Мои пальцы трясутся, я всё ещё не могу взять себя в руки.

Мне так хочется, чтобы он поддержал меня. Но мы поменялись местами. Кажется, поддерживать его буду только я.

— И как?

— Не понимаю, простите.

— Вы сказали, что сталкиваетесь с подобными историями часто. И как, получается доказать, что измены не было? — глядя на мужа, замечаю, что в его глазах горит самый настоящий огонёк интереса.

— Обычно нам получается доказать, что тот, кого обвиняют в измене, на самом деле не изменял.

— Видишь! — говорю я, воодушевляясь последними словами мужчины. — Мы не первые с такой ситуацией. И всё разрешается.

Мирон чуть заметно кивает и снова смотрит на мужчину.

— Но кому это понадобилось? У вас есть предположение?

Заместитель директора долго смотрит то на Мирона, то на меня. Не знаю, какие мысли у него в голове в этот момент, но мне вдруг кажется, что он не до конца откровенен с нами.

Вероятно, боится ошибиться с выводами, поэтому не торопится отвечать.

— Как правило, подобные компроматы создают, чтобы испортить отношения между супругами, — рассказывает свою версию. — Иногда целью становится шантаж. Иногда — месть. Бывает, что человек просто хочет разрушить чужую семью. Одно могу вам обещать: мы будем работать. Проведём экспертизу и сообщим, что удастся установить.

— Сколько времени это займёт?

— Предварительный результат может быть готов через несколько дней. Но точный срок зависит от качества файла и объёма исследования.

Несколько дней. Для кого-то это совсем немного. Для меня — целая вечность.

Мы прощаемся с мужчиной и уезжаем домой. Больше на работу ни я, ни Мирон не возвращаемся.

Новый рабочий день и наша компания остаётся без нашего надзора. Но я не сомневаюсь в том, что всё будет нормально. Слишком долго и упорно мы собирали нашу команду, которой можно доверять.

Добравшись домой, я сразу же ухожу в спальню. Уверенная, что после бессонной ночи я усну сразу же, удивляюсь, что сон не идёт.

Спускаюсь вниз и замечаю, что муж разговаривает по телефону:

— Да, всё так. Именно это нужно сделать, — произносит он в трубку ровным, почти деловым голосом.

Слышу в ответ мужской голос.

— Хорошо. Я понял, — коротко говорит мой муж. — Начнём с этого. Перезвоню.

Мирон прощается и нажимает на экран. Не глядя, бросает телефон на журнальный столик и гаджет скользит по полированной поверхности, задевая пульт.

Ещё секунда и, кажется, он упадёт на пол. Но телефон останавливается у самого края.

Мирон, по-прежнему не чувствуя моего присутствия, тяжело выдыхает, откидывается на спинку дивана и обхватывает голову руками.

Пальцы зарываются в волосы, плечи опускаются, и вся его поза становится какой-то беспомощной.

Мне кажется, что он чем-то расстроен, но спросить я не решаюсь. Хочу незаметно уйти.

Осторожно разворачиваюсь и начинаю подниматься обратно по лестнице. Ступаю на носочках, стараясь не дышать.

Одна рука скользит по гладкому дереву перил, другая крепко сжимает край халата у горла.

Одна ступенька, вторая. На третьей под ногой предательски скрипит половица.

Мирон, услышав этот скрип, сразу же поворачивается ко мне.

— Ксюша… Ты что здесь делаешь? — Мирон слишком резко встаёт с дивана и идёт ко мне.

Глава 6

— Ничего, — отвечаю я быстро, чувствуя себя словно преступница, которую застали на месте преступления. — Спустилась выпить воды.

— Я думал, ты спишь. Я заходил к тебе, — подходит ко мне и протягивает мне руку, предлагая помощь спуститься с лестницы.

Стою в замешательстве несколько секунд, а потом принимаю его приглашение.

Рука Мирона подрагивает. Я всем своим телом чувствую, что он нервничает. Он как будто обеспокоен, что я застала его за разговором с неизвестным мне человеком.

— Ты с кем-то разговаривал... Я отвлекла тебя?

— Нет, не отвлекла. А ты что, подслушивала? — вопрос мужа полон упрёка.

— Нет. Я как раз спускалась, когда ты с кем-то прощался.

— Старый друг. Я… я рассказал ему нашу историю.

— Зачем?! — останавливаюсь в замешательстве.

Когда муж сообщает мне об этом, да ещё так просто, я перестаю понимать его логику. Мы же обратились в нужное агентство, зачем вытаскивать подобную грязь за пределы нашего дома и агентства?

— Так надо! Доверься мне!

Мне ничего не остаётся, как уступить ему. Есть ли у меня выбор?

На следующий день Мирону приходит сообщение от начальника службы безопасности центра о том, что он готов предоставить результат.

— Значит, он нашёл дату, — сжимаю кулаки в предвкушении получить сейчас хоть один ответ.

— Надеюсь, — спокойно говорит Мирон.

На нашу удачу до центра мы доезжаем практически без пробок. И также как вчера быстрыми шагами спешу к кабинету начальника службы безопасности.

— Добрый день, — привстаёт он с места и здоровается за руку с Мироном.

— Добрый. Вам удалось что-либо выяснить?

— Я просмотрел записи с камер за последние несколько дней, — говорит он. — И мне нечем вас порадовать. Ничего подобного, что вы мне показали, я не обнаружил.

У меня внутри всё обрывается. Я даже слова не могу вымолвить.

— Но… Как такое может быть? Вы уверены? — спрашиваю я, стараясь, чтобы не расплакаться в голос. — Может быть, камеры не охватывают тот участок?

— Камеры охватывают практически весь периметр, — отвечает он, без всякого сомнения. — Есть несколько мёртвых зон, но они находятся сбоку от здания и у служебного входа. На видео, которое вы показали, хорошо видна часть фасада. Если бы съёмка велась здесь, хотя бы один из наших объективов должен был её зафиксировать. Но там ничего нет.

— Вы хорошо проверили? — зачем-то настаиваю я на ответе, зная, каким он будет.

— Конечно! Я клянусь вам, что подобной записи у нас нет.

Я перевожу на Мирона. Он сидит неподвижно, но по напряжённой линии его челюсти понимаю, что он тоже пытается переварить услышанное. Просто реагирует не так растерянно, как я.

— А за сколько дней вы просмотрели записи камер видеонаблюдения? — наконец-то подаёт голос.

— Неделю, — без колебаний отвечает начальник службы безопасности. — Если ничего существенного не происходит, старые файлы автоматически удаляются. В ином случае никакой памяти не хватит.

— То есть записи месячной давности уже не восстановить?

— Нет. Если их отдельно не сохранили, то нет.

Я опускаю глаза и смотрю на свои сжатые кулаки. Мне так легче держать себя в руках и не расслабляться.

После слов начальника службы безопасности теперь всё кажется бессмысленным. Мы приехали сюда, надеясь найти подтверждение, а вместо этого упёрлись в тупик. Причём в такой, из которого я теперь не вижу выхода.

Видео есть, место мы нашли, но камерой оно не зафиксировано. Что за чудеса такие?!

Значит, человек, который снимал происходящее, либо стоял в слепой зоне, либо запись вообще сделана не здесь.

Или нас намеренно направляют по ложному следу.

От этой мысли по спине пробегает холод. Значит, у нас появился враг. И не просто враг, а продуманный враг! Который умеешь считать на полшага вперёд и делает это очень грамотно.

Мирон благодарит мужчину коротким кивком и жмёт ему руку в надежде быстрее попрощаться.

Я тоже что-то говорю, но сама не слышу собственный голос.

Мы прощаемся и выходим из кабинета.

На улице меня сразу накрывает ощущение полной безнадёжности. Я останавливаюсь на ступенях, обхватываю себя руками и смотрю на дорогу.

Вчера мне казалось, что у нас хотя бы появилась зацепка, а теперь я снова не понимаю, в каком направлении нам двигаться дальше. Все мои надежды рассыпаются словно хрупкое стекло.

Мирон выходит следом. Некоторое время он стоит рядом, не произнося ни слова. Только смотрит куда-то вдаль и думает о чём-то своём.

— И что теперь?

— Я не знаю... Может, попробуем обратиться в соседний офис? — спрашиваю я в надежде на его согласие.

— Ксения, ты... ты дура? — срывается мой муж.

— Ты... Ты... — задыхаюсь в возмущении. — Почему ты меня оскорбляешь?!

— А как тебя ещё назвать после того, что ты говоришь? Дура и есть! Такое ощущение, что ты совсем не думаешь головой! — он крутит пальцем у виска. — Посмотри вокруг! Сколько здесь зданий?

Я оглядываюсь. Центр окружает три здания.

— Три, — говорю практически шепча, смахивая слёзы.

— Три! И что ты хочешь? Хочешь приходить в каждое и каждому начальнику службы безопасности показывать то, что у нас на руках? — зло выплёвывает слова Мирон. — Хочешь, чтобы на то, что происходило в машине, смотрели не только начальник службы безопасности центра, заместитель агентства, но и другие мужики?

— Предложи тогда свой вариант.

— Я не могу ничего предложить! Я сам не знаю, какой выход. Я доверился профессионалам и больше не хочу думать! Ясно тебе? Я заплатил деньги за работу, вот пусть они и работают! А я пас!

Он быстро сбегает по ступенькам, а я продолжаю стоять там же, где стояла.

— Ты идёшь или я уезжаю без тебя!

Мне ничего не остаётся. Я иду следом за ним и сажусь в машину.

Несколько минут мы едем молча. Но потом я понимаю, что и моему терпению пришёл конец.

— Знаешь, а ты прав.

— В чём?

— В том, что нужно отпустить ситуацию. Ты не хочешь больше думать, так? — Он кивает. — Ну вот и я тоже больше не хочу. А ещё я больше не хочу бороться за то, чтобы доказать тебе свою невиновность, — меня окончательно накрывает отчаянье. — Делай что хочешь!

Глава 7

Несколько следующих дней мы живём практически не разговаривая. Между нами словно выросла стена.

Мы обсуждаем только необходимое: работу, еду, счета, бытовые мелочи.

Мирон приходит домой, ужинает, иногда долго сидит в гостиной с выключенным телевизором.

Я вижу, что он закрылся от меня, но изо всех сил старается не показывать этого.

Порой я замечаю, как он смотрит на меня, когда думает, что я не вижу. В его взгляде смешиваются тоска, ревность и недоверие.

Но стоит понять, что я наблюдаю за ним, он тут же отворачивается.

Пока тянутся дни, я не нахожу себе места. Работа отвлечься не помогает. Я то и дело думаю о том, что с нами случилось.

Вчера я поймала себя на мысли, что тот человек, который прислал эту запись, хочет не денег.

Он хочет чего-то другого.

Если бы он хотел денег, он бы уже совершенно точно позвонил! И уверена: прежде всего мне!

Сегодня с самого утра я уезжаю в офис. Дома находится невыносимо. Обстановка давит.

Пока никого нет на работе, иду к кофемашине, наливаю себе чашку кофе, выпиваю её и открываю документы.

Читаю одну и ту же строку по несколько раз, но смысл ускользает. Понимаю, что я снова сосредоточена на видео, а не на рабочих вопросах.

Не выдерживаю напряжения и, как только часы показывают десять, набираю тому заместителю, которому мы передали флешку.

На месте его нет.

— Пока информации никакой, — вежливо отвечает за него другой сотрудник. — Специалисты продолжают работу. Мы свяжемся с вами, как только появится заключение.

После звонка я ещё несколько минут сижу неподвижно, глядя на погасший экран телефона.

Размытые фразы, никакой конкретики. Ожидание даётся слишком тяжело.

Поглядывая на часы, встаю и иду в кабинет к мужу. Он, кстати, как приехал в офис, даже не зашёл ко мне.

Открываю дверь и захожу. Муж стоит у окна и снова о чём-то думает. Хотя, конечно, я знаю — о чём!

— Мирон, — обращаюсь к нему как можно мягче. — Ты занят?

— Нет, — он даже не поворачивается ко мне.

— Тогда скажи мне, сколько ты будешь наказывать меня молчанием?

— Прости меня, Ксюш. Я так вымотан. Что-то сломалось во мне, — наконец-то смотрит мне в глаза.

— Что сломалось? — не понимаю его.

— В душе что-то. Я как только представляю тебя в объятиях другого, меня ревность на части разрывает.

Я подхожу ближе и кладу ему руку на плечо.

— А ты не представляй. Иначе так себя до паранойи можно довести, — тихо смеюсь, и он улыбается следом.

— Я постараюсь.

Однако по интонации я понимаю: он и сам сомневается, что сможет выполнить обещание.

После этих нескольких слов между нами вновь повисает тяжёлое молчание. Мы не знаем, о чём ещё говорить, словно я и он совершенно чужие люди. Да, теперь это самое подходящее сравнение. Точнее и не скажешь.

Мирон снова поворачивается к окну, а я остаюсь посреди кабинета, не представляя, что ещё можно добавить.

В конце концов, ухожу к себе и заставляю себя сосредоточиться на работе. Только проблем с компанией нам сейчас и не хватало.

Погрузившись в рабочие дела, я даже не замечаю, как наступает обед.

Смотрю в экран компьютера, когда дверь кабинета открывается.

— Ксюш, — говорит Мирон. — Сделай перерыв.

Я поднимаю на него взгляд.

— Что случилось?

Он заходит внутрь, и я вижу в его руках небольшую коробку моих любимых конфет.

Тех самых, которые я обычно покупаю по дороге домой, а потом прячу в верхнем ящике стола, чтобы не съесть все за один вечер.

От неожиданности я несколько секунд просто молча смотрю на коробку.

— Это мне? — спрашиваю я.

— Да. А кому же ещё?

Он подходит к моему столу, ставит коробку прямо перед клавиатурой и осторожно отодвигает в сторону стопку документов, чтобы ничего не помять.

Садится в кресло напротив. Не разваливается в нём, как обычно, не пытается занять всё пространство кабинета своим присутствием, а скромно кладёт руки на стол и сцепляет пальцы в замок.

Несколько секунд никто из нас не произносит ни слова.

Я невольно всматриваюсь в его лицо, пытаясь понять, что изменилось.

Ещё несколько часов назад он выглядел напряжённым: хмурился, смотрел куда угодно, только не на меня. А теперь, кажется, что он и не вёл себя так вовсе. Словно этого состояния не было.

Линия между его бровями разгладилась и взгляд стал другим: привычно мягким и родным. А главное — не таким настороженным.

Догадываюсь: он всё-таки прислушался ко мне. Перестал накручивать себя и дорисовывать в голове сцены, которых не происходило и, совершенно точно никогда не произойдёт.

Наверное, он решил сделать именно то, что я пыталась до него донести: не придумывать лишнего. Не представлять худшего.

От этой мысли внутри становится чуть легче.

— Это взятка? — спрашиваю я, улыбаясь и кивая в сторону конфет.

— Попытка помириться, — отвечает он, чуть заметно подмигивая. — Если ты не против.

— А я с тобой и не ссорилась…

— Время обеда… — поднимает руку и смотрит на свои дорогие часы.

— Да.

— Пойдём?

— Куда? — задаю глупый вопрос, продолжая пребывать в приятном шоке.

— Обедать. Ты же наверняка выпила за полдня только кофе и толком не поела.

— Пойдём…

— Но, только место выбираю я.

— Я согласна. Мне всё равно, куда с тобой идти. Лишь бы с тобой.

Он встаёт с кресла и, прежде чем выйти, похлопывает себя по карману пиджака.

— Забыл в кабинете телефон. Спускайся, я буду в машине.

Мирон уходит, тихо прикрыв за собой дверь, а я, продолжая улыбаться, выдыхаю и медленно поднимаюсь из-за стола.

Беру сумку, складываю в неё ежедневник и телефон. Хочу выйти, но вижу перед собой те конфеты, которые он принёс.

Снимаю обёртку и с большим удовольствием кладу себе конфету в рот.

— Блаженство! — закатываю глаза.

Быстро закрываю коробку, убираю в ящик стола и направляюсь к двери.

Я уже тянусь к ручке, когда дверь вдруг распахивается мне навстречу. Без стука и без предупреждения.

Резко останавливаюсь, едва не столкнувшись с каким-то человеком на пороге.

Поднимаю глаза и вижу, что передо мной стоит мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто.

В одной руке он держит телефон, в другой ключи от машины.

Его взгляд быстро скользит по кабинету, а потом останавливается на мне.

Я смотрю на него, не понимая, что происходит, и, пытаясь вспомнить, кто он такой.

Лицо незнакомое. Точно незнакомое!

Я бы запомнила такого человека: резкие скулы, внимательные серые глаза, коротко подстриженные тёмные волосы.

Но где-то внутри неприятно шевелится смутное чувство, что я его видела. Только где?

Мужчина тем временем продолжает смотреть на меня так, словно он знает меня. Улыбается и делает шаг вперёд.

Успеваю отступить.

— Простите, — наконец произношу я, стараясь, чтобы голос не выдал растерянности. — Вы к кому?

Он слегка приподнимает бровь, словно удивлён.

— К тебе… А к кому я ещё могу приходить в этот кабинет? — хмыкает.

— Не поняла… — бубню еле слышно.

Отойдя на шаг теперь, я стою неподвижно, потому что растерялась от такой наглости.

— Ксюш, любимая, что с тобой? — он оглядывается по сторонам. — Где ключи от кабинета?

— Зачем вам ключи от кабинета?

— Закрыть дверь.

— Зачем закрыть дверь? — перестаю окончательно что-либо понимать.

— А ты хочешь быть пойманной! — играет бровями. — Перчинки захотелось?

Глава 8

Я даже не успеваю произнести ещё хоть слово. Чувствую чужое дыхание, резкое движение, давление на свои губы, а затем попытку проникновения чужого языка в мой рот.

Всё происходит настолько неожиданно, что на несколько секунд я просто цепенею. А потом меня накрывает паника.

Я резко упираюсь ладонями ему в грудь и со всей силы отталкиваю от себя. Он делает шаг назад, теряет равновесие и едва не падает. Только дверь, в которую он упирается спиной, не позволяет ему рухнуть на пол.

— Вы что творите? — кричу я, сама не замечая, насколько громко звучит мой голос.

В ушах звенит. Сердце колотится так сильно, что каждый удар отдаётся в горле.

Я брезгливо вытираю губы тыльной стороной ладони и отступаю сразу на пару шагов назад.

Мужчина смотрит на меня с таким выражением, будто растерян не меньше моего. Но уже через секунду его лицо принимает прежний самоуверенный вид.

— Ксюш, я же предложил закрыть дверь. Ты же сама не согласилась. А если твой рогоносец вернётся? Как оправдываться будем?

От такой наглости и сказанных им слов я стою молча и не нахожусь что ответить. Выполняю лишь механические движения, открывая и закрывая рот.

Пытаюсь что-то сказать, но ни одного звука не выходит.

Мужчина, в отличие от меня ведёт себя так спокойно и так уверенно, будто между нами действительно есть какая-то история, о которой я почему-то забыла. Будто поцелуй был не нападением, а частью привычной игры.

— Я… — голос срывается, и, задыхаясь, я начинаю кашлять.

Мужчина делает шаг ко мне, протягивает руку, словно собирается похлопать по спине, но я снова резко отступаю.

— Не трогайте меня! Не подходите и не прикасайтесь!

Он замирает с вытянутой рукой.

— Ладно, ладно, только успокойся.

— Я не знаю вас. Вы кто?!

Но этот человек не отвечает. Несколько секунд он просто смотрит на меня и молчит. На его лице лишь откровенная обида, смешанная с недоумением.

— Ну класс, — произносит он с коротким, невесёлым смешком. — То есть после того, что между нами было, ты теперь хочешь притвориться, будто ты не знаешь меня? Ксюш, не шути так.

Незнакомец хочет подойти ко мне, но я снова отступаю на шаг. А затем ещё на один. И продолжаю двигаться, пока не упираюсь бедром в край своего рабочего стола.

— Было? А что между нами было?

— Ксюш, никого нет, — он проводит ладонью по лицу, словно устал объяснять очевидное. — Хватит притворяться.

Он оглядывается по сторонам.

— А, погоди. Вот я дурак! Ты так боишься, потому что камеры муж поставил? — задаёт странный вопрос. — Или ты боишься, что твой муж зайдёт?

У меня внутри всё обрывается. Мне по-настоящему становится страшно. Такое ощущение, что он знает не только меня, но и всё обо мне.

И, судя по тому, как уверенно он держится, знает гораздо больше, чем должен знать случайный человек.

— Не парься! — продолжает незнакомец, заметив моё молчание. — Если он появится, скажем то, что давно для него придумали. Мол, я один из ваших потенциальных партнёров. Приехал лично обсудить условия контракта.

«Мы придумали». То есть я и он. Верно?

Я пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь. Его лицо. Голос. Запах. Случайную встречу, разговор, переписку — хоть малейшую деталь, за которую можно уцепиться.

Но я точно ничего о нём не знаю. Как и его самого. В голове пустота. Чистый лист!

— Хватит театра. Если это шутка, то она идиотская. Вам лучше уйти, — киваю в сторону двери.

Он усмехается. Нагло. Уверенно. Потом медленно кивает, будто принимает правила игры, хотя я не понимаю, в какую игру он меня втягивает.

— Хорошо, — говорит он тихо. — Хочешь так — будет так. Но больше я не появлюсь, пока сама не позвонишь! Хватит издеваться. Мне надоело вести себя как тень. А ещё хуже как преступник! Принимай уже наконец, решение: или я, или твой Мирон.

— Откуда ты знаешь имя моего мужа? — даже не замечаю, как перешла на ты.

— А не должен знать? — теперь мы меняемся местами. Он ведёт себя так, словно не понимает меня.

— Ты с ним знаком?

— Естественно. Он же твой муж. Кстати, я видел его только что. Он как раз садился в машину. Я подождал, пока он закроет дверь, и заведёт мотор. И только после этого поднялся к тебе. Твои страхи напрасны, Ксюш.

Когда незнакомец говорит мне это, я вспоминаю, что на парковке возле офиса меня ждёт Мирон. Мы как раз собирались ехать обедать.

Сажусь за свой стол. Ноги не держат.

Руки прячу под столешницу. Они дрожат. Но я не хочу, чтобы это видел этот мужчина.

Слишком нагло и уверенно он ведёт себя, и я догадываюсь, что такой, как этот всегда пользуется чужим страхом или растерянностью.

Чтобы доказать себе, что я не сплю, впиваюсь ногтями в кожу ладони. Боль получается резкой и настоящей. Я чувствую её, но это не помогает.

Тогда я слегка щипаю себя за запястье. Ещё боль и ещё одно подтверждение того, что происходящее действительно происходит.

Следом я машинально открываю нижнюю тумбочку стола и вынимаю коробку конфет, которую совсем недавно принёс Мирон.

Достаю одну и спешу съесть её. Пальцы подрагивают, когда я разворачиваю фантик.

Кладу конфету в рот и начинаю жевать. Медленно. Тщательно. Мне нужен этот вкус, чтобы убедить себя, что не схожу с ума.

Мужчина замечает коробку.

— О, твои любимые конфетки! — он подходит к столу и тянет руку к одной из них.

— Ещё раз спрашиваю: кто вы такой? — прикрываю её, не позволяя прикоснуться к сладости. — Говорите правду, иначе я вызову полицию.

— Ты… ты обалдела, что – ли? Любовника своего полицией пугать собралась? Хватит, Ксюш, уже не смешно. Пошутила и хватит. Это не те ролевые игры, в которые мы любим играть.

Не успеваю ничего ответить, потому что замечаю, как опускается дверная ручка и на пороге появляется Мирон.

Увидев его, мы оба замолкаем. Всё внутри меня мгновенно сжимается. От страха, от растерянности, от жуткого предчувствия, что сейчас произойдёт что-то непоправимое.

— Ксюш, ну ты где пропала? И почему на звонок не отвечаешь? — спрашивает меня муж, не сразу замечая незнакомца.

Глава 9

Даже не понимаю, зачем, но я быстро встаю со своего места. Следом то же самое, словно по команде делает мужчина.

А дальше всё начинает развиваться так, будто я попала в дешёвую мелодраму: уже понимаю, что вот-вот произойдёт что-то неприятное, но всё равно упрямо делаю вид, будто ничего странного не замечаю.

Мирон замечает мужчину. Его взгляд скользит мимо меня, задерживается на незнакомце, и между бровями появляется едва заметная складка.

Он останавливается на пороге, не выпуская дверную ручку. А я перестаю дышать и жду, что будет дальше.

— Добрый день, — произносит муж.

Он закрывает за собой дверь и проходит в кабинет. Как обычно, спокойно и уверенно. На ходу поправляет манжет рубашки, после чего протягивает мужчине руку.

Тот сразу поворачивается к нему.

— Добрый день.

Они обмениваются рукопожатием, и снова наступает оглушительная тишина. В этот момент я чувствую себя совершенно беспомощной.

— Ксюш… — Голос Мирона, наконец, выводит меня из оцепенения. — Ты представишь нас?

Киваю и не свожу с него глаз. Он дружелюбно улыбается, но его взгляд остаётся внимательным.

Догадываюсь: он ждёт ответа, которого у меня нет. Я не знаю имени этого человека, но признаться в этом не могу.

Если я скажу ему подобное, он вряд ли поймёт, что этот человек делает в моём кабинете в то время, когда я должна быть с Мироном в ресторане и обедать.

— Я… Я...

Начало получается жалким. Я слышу это сама и тут же замолкаю.

Мирон переводит глаза на мужчину.

— Что ты? Ксюш, что-то случилось?

— Нет.

— Ты растеряна...

Мирон обходит стол и отодвигает кресло, в котором обычно сидит.

Садится, поправляет пиджак и кладёт ладони на подлокотники. По-прежнему улыбается сдержанно, вежливо.

Я остаюсь стоять, и муж замечает это.

— Ксюш, ты тоже садись. Что застыла?

Я всё-таки сажусь.

— Ну? Жена моя... о чём-то думает. Может, тогда вы сами представитесь? — спрашивает Мирон мужчину снова.

— Дмитрий, — произносит тот.

— Мирон, — отвечает муж.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Я смотрю на Дмитрия и теперь пытаюсь вспомнить не его лицо, а это имя.

И снова не помню. У меня среди знакомых, даже дальних, с подобным именем нет! Муж откидывается на спинку кресла.

— Ксюш, мы никуда не идём?

— Нет.

— Ясно… Дела, понимаю. Итак, Дмитрий… — он произносит имя ровно, и я понимаю, что его ничего не волнует. А меня, напротив. — По какому вопросу вы к нам?

Дмитрий не отвечает сразу. Сначала смотрит на меня. Но я как немая рыба.

Сама не понимаю, что со мной, но я впервые в своей жизни сталкиваюсь с чем-то подобным, и у меня нет даже дополнительной и спасительной секунды, чтобы оценить обстановку, а затем принять правильное или уверенное решение.

Я чувствую себя словно в западне, загнанная по чьей-то воле.

Только чья это воля — для меня по-прежнему остаётся загадкой.

— Я ваш… потенциальный партнёр, — всё-таки этот Дмитрий начинает говорить. — Ксения вам ничего про меня не рассказывала?

— Нет. Ксюша, а почему ты мне ничего не сказала о новом партнёре? — снова отвлекается на меня.

— Потому что я ничего ещё не решила, — вдруг начинаю врать. — Ты был последнее время слишком занят, а с Дмитрием коммерческое предложение мы согласовали только… на прошлой неделе.

— На прошлой неделе? — зачем-то переспрашивает меня муж. И только в этот момент я понимаю, что зря сказала про прошлую неделю. У нас она выдалась ужасной.

Как только я упоминаю прошлую неделю, Мирон вдруг меняется в лице.

Кажется, будто он или что-то вспомнил, или что-то понял.

Я жду следующего вопроса, но муж уже не смотрит на меня. Он поворачивается к Дмитрию.

Сначала мне кажется, что Мирон просто хочет что-то уточнить. Однако проходит несколько секунд, а он молчит, внимательно разглядывая нашего гостя.

Слишком внимательно. Он буквально всматривается в его лицо.

Его взгляд задерживается на глазах мужчины, скользит ниже, к губам, возвращается обратно.

Муж даже не пытается скрыть своего интереса. Кажется, если бы ему сейчас предложили лупу, он принял бы её без всякого смущения и продолжил рассматривать мужика дальше.

Я невольно выпрямляюсь на стуле. И что теперь?

— Прошу прощения, — медленно произносит Мирон, но взгляда не отводит. — А мы не встречались раньше?

— Сомневаюсь, — пожимает Дмитрий плечами. — В вашей компании я впервые.

— Я не обязательно имею в виду компанию.

Ответ Мирона звучит слишком быстро. Он и сам это замечая, начинает громко стучать пальцами по краю стола.

— Возможно, где-нибудь и пересекались. Я не запоминаю всех людей, которых встречаю.

Пока Мирон продолжает сканировать взглядом Дмитрия, но тот молчит и терпит.

Даже устраивается на стуле удобнее! Поправляет рукав пиджака, стряхивает с колена невидимую соринку. И ждёт... Ждёт, что будет дальше.

Кажется, его это даже забавляет.

— Мирон? — негромко зову я, переключая его внимание на себя.

Он не сразу реагирует.

— А? Что?

— Что с тобой?

— Я вас совершенно точно где-то видел!

— Ты его с кем-то путаешь, — не хочу, чтобы у него в голове были сейчас подобные мысли.

— Возможно… — но снова продолжает смотреть на Дмитрия. — Но...

Внезапно он хмурится, а потом закрывает глаза. Он сидит так несколько секунд.

— Мирон? — снова зову его.

— Секунду. Подожди, — говорит, не открывая глаз, но в его голосе откровенный приказ.

Я послушно замолкаю и жду, что будет дальше. У меня нет выбора.

Наконец, муж открывает глаза, а потом вдруг резко отодвигает кресло и встаёт. Так неожиданно, что я тоже невольно подаюсь вперёд.

Кажется, он понял, что я его обманула.

От осознания катастрофы у меня неприятно колет под рёбрами.

— Секунду, — говорит он и выходит из кабинета.

Дверь громко хлопает.

Дмитрий смотрит ему вслед, а затем поворачивается ко мне и смеётся:

— И что это было? Куда он сбежал?

Глава 10

— Пошёл вон… — цежу сквозь зубы, и меня уже совершенно не волнует, что я перешла с ним на ты.

Мне плевать на правила поведения. В конце концов, он тоже их не соблюдает.

— Ксюш…

— Считаю. До трёх и вызываю охрану.

— И что ты им скажешь? — снова нагло хмыкает. — Что не можешь выпроводить любовника?

— Раз…

Он смотрит на меня и ждёт, что будет дальше.

— Два…

— Ладно! Ушёл! Успокойся только.

Мне хочется, чтобы он, наконец, оказался за дверью.

Дмитрий забирает телефон, накрывает ладонью ключи от машины. Металлический брелок тихо звякает о столешницу.

— Не понимаю, зачем так нервничать, — негромко произносит. — Но раз ты не в духе, потом поговорим.

— Вон! — теперь это звучит особенно грубо, но мне плевать. Надеюсь, я его больше никогда не увижу, а перед Мироном как-нибудь объяснюсь.

Только самое ужасное, что теперь он вряд ли мне поверит.

Дмитрий смотрит на меня ещё секунду, затем пожимает плечами и направляется к выходу.

Я слежу за каждым его движением. Вот он обходит стул, вот берётся за дверную ручку.

Он уже собирается выйти, но в этот момент дверь резко распахивается ему навстречу. Дмитрий едва успевает отпрянуть, чтобы не получить удар.

Раздаётся глухой стук о стену. На пороге стоит Мирон.

Увидев его лицо, я сразу понимаю: за те пару минут, что его не было в кабинете, что-то окончательно поменялось.

— Партнёр, говоришь?! — он говорит громко. Практически кричит.

— Мирон… — а я, напротив, шепчу.

Но муж не слушает меня. Он отталкивает Дмитрия в сторону и идёт ко мне.

Я невольно отступаю на шаг. Всё происходит ровно так же, как быть с незнакомцем, но теперь я боюсь ещё сильнее, чем боялась.

— Успокойся!

— Не надо меня успокаивать! Я вспомнил этого партнёра. Вспомнил!

Замечаю в его руке телефон.

— Что ты… — бубню, не понимая, что он мне пытается показать. Мирон подносит его к моему лицу так близко, что сначала я вижу только размытые пятна.

— Смотри. Вот он!

Мне снова приходится щуриться, чтобы разглядеть экран. Я ведь ничего не вижу вблизи.

Но теперь я не стану просить позволить надеть мне очки. Боюсь, реакция будет совсем непредсказуемой.

Перед лицом фотография. Увеличенное мужское лицо. Лицо этого Дмитрия.

— Ну? — спрашивает Мирон. — Ничего не хочешь сказать?

Я открываю рот, но не могу выдавить ни слова.

Мирон, понимая, что я не нахожу для него ответа, коротко и зло усмехается, а затем снова проводит пальцем по экрану.

Передо мной появляется новая фотография. На ней, как и первая — увеличенная. На ней Дмитрий обнимает меня.

Я уже видела это действие на видео. Только теперь кроме видео у моего мужа есть и фото.

Мирон склоняется ко мне, и зло шипит:

— А здесь? Посмотри внимательно, Ксюш. Может, теперь узнаёшь своего любовничка?

Последнее слово он произносит медленно, с отчётливым, почти откровенным издевательством.

При этом смотрит не на экран, а на меня. Ждёт, когда я отведу глаза, дёрнусь, выдам себя хоть чем-нибудь.

Я молчу. Мне нечего ему сказать, кроме того, что я говорила все эти дни.

— Ну?

Мирон поворачивает телефон к себе и увеличивает изображение до максимально возможного. Оно становится ещё крупнее.

Сначала исчезают края фотографии, потом плечи, воротник рубашки. Лицо Дмитрия теперь занимает почти весь экран.

От такого увеличения снимок теряет резкость: очертания чуть расплываются, на коже проступают мелкие цветные квадратики. Но это ничего не меняет.

Я не узнаю его.

— Что и так плохо видно? — спрашивает он снова и тычет мне гаджетом чуть ли не в нос.

Я невольно отклоняюсь, и он тут же замечает это движение.

— Не отворачивайся от экрана! Смотри!

— Я смотрю. Но ты должен прекратить разговаривать со мной таким тоном. Что тебе от меня нужно? Ничего нового я тебе не скажу!

— А я всё-таки дождусь, что ты признаешься. Хоть год буду ждать, хоть два!

— И что тебе это даст? Ты чего-то добиваешься? Если да, говори открыто.

— Ксюш, — произносит он уже без усмешки. — Я ведь вижу, что ты его узнала. Только признаваться не хочешь. И я знаю — почему. Куда проще выглядеть жертвой.

— Ты не ответил мне на вопрос. Откуда такая навязчивость уличить меня в измене, Слепцов?

Муж выключает телефон и снова поднимает на меня глаза.

— Ты сейчас серьёзно? А как я должен реагировать, кроме как добиться правды? Я считаю, если один из супругов изменяет, второй как минимум должен знать правду.

— А дальше что?

И снова муж не отвечает. Он опускает лицо. Он, либо на самом деле не знает ответа, либо не хочет его пока озвучивать.

— Послушай меня… Пожалуйста… — я переступаю через свою гордость и начинаю говорить как можно тише. Меньше всего мне хочется конфликта. Я вымоталась за эту неделю слишком сильно.

— Опять… Только давай без оправданий.

— Я собиралась ехать с тобой обедать, но когда ты пошёл к машине, этот человек вошёл без разрешения. Я его не приглашала. Он начал говорить… так, будто мы знакомы. Будто между нами что-то было. Но это неправда.

Конечно, я опускаю моменты, где он лез ко мне с поцелуями и о многом другом.

Пока не время. Может быть позднее, но сейчас точно нет.

Мирон смотрит на меня неподвижно. По его выражению лица я не понимаю, верит ли он хоть одному слову.

— Я хотела, чтобы он ушёл. Только что попросила его уйти, ты же видел…

— Я видел, как ты представляла мне его нашим будущим партнёром.

— Я не представляла! Я… — сама себя закапываю, вспоминая, что совсем недавно действительно говорила, что он наш потенциальный партнёр.

— Ты сама это сказала, — настаивает Мирон. — Несколько минут назад. Глядя мне в глаза. Вот как сейчас. Также честно.

— Я растерялась! Я не понимала, что происходит.

За спиной мужа слышится тихий смешок. Мы одновременно поворачиваем голову в ту сторону. И я и Мирон совсем забыли про этого Дмитрия.

Я была уверена, что как только мой муж появился на пороге и чуть не прибил его дверью, он сразу же скроется с глаз. Но он продолжает стоять. Стоять и слушать нас!

— Посмотри на меня! — беру лицо Мирона в свои руки. Я полностью сосредоточена на муже.

— Убери, — говорит сквозь зубы, но я не подчиняюсь.

— Ты же помнишь, о чём мы говорили? Кто-то пытается нам навредить. Сначала это странное видео, теперь он появляется здесь. Это не может быть совпадением. Мирон, ну, подумай…

Я ищу в его лице хоть малейший отклик. Но его нет.

— УБЕРИ СВОИ РУКИ, — повторяет он. И говорит это так, что теперь я не смею перечить ему.

Я не успеваю сделать это сама, как муж резко сбрасывает мои ладони.

— Всё, Ксюша, разговоры окончены.

Мирон убирает телефон к карман и разворачивается, чтобы уйти.

— У нас ещё нет ответа компании о подлинности видео! — говорю ему в спину. — Когда тебе скажут, что это всё фальшивка, ты поймёшь, как был неправ! Но теперь я уже не знаю, смогу ли я простить тебя.

Однако Мирон меня больше не слушает. Он, проходя мимо Дмитрия, останавливается на мгновение, смотрит на него с презрением, а затем уходит, громко хлопнув дверью.

Глава 11

Вслед за Мироном уходит и Дмитрий.

Я медленно опускаюсь в своё кресло и закрываю лицо руками. Сил держаться больше нет.

Прижимаю ладони к глазам и начинаю плакать. Горько, беззвучно сначала, а потом всё сильнее, с судорожными вдохами, от которых болит грудь.

Так я не плакала давно. А может, и вовсе никогда.

Слёзы катятся по щекам, но я не пытаюсь их остановить. Не получается!

Да и зачем? Здесь уже никого нет, перед кем нужно сохранять спокойствие и делать вид, будто я справляюсь.

Сейчас я думаю только о муже. Что с нами вдруг произошло? Почему Мирон верит кому угодно, но только не мне.

Это же настоящая дикость — верить в то, что не имеет настоящих доказательств.

Ладно, я понимаю, если бы он увидел меня в объятьях другого сам и именно в тот момент, что запечатлён на видео. Тогда да, я бы первая призналась, что неверна ему.

Но я – то знаю, что ничего подобного не было!

Да! Я уверена в этом на тысячу процентов! Потому что верить в то, что я не помню этого Дмитрия или сошла с ума — мне не хочется.

Хотя на всякий случай, наверное, нужно всё-таки съездить к врачу. Может быть, со мной действительно что-то не так.

Ну вот, теперь я уже сама начала сомневаться в себе. До чего докатилась.

Достаю из косметички зеркало и смотрю на себя. Лучше бы не смотрела.

Тушь расплылась под глазами жуткими чёрными разводами. На одной щеке осталась неровная дорожка почти до самого подбородка.

Нос красный, веки припухшие, а губы я, пока пыталась говорить с мужем, кажется, искусала до крови. По крайней мере, в уголке неприятно щиплет.

И в таком виде мне скоро идти на совещание…

Перевожу взгляд на время в телефоне. У меня тридцать минут, чтобы привести себя в порядок.

Ровно в тринадцать тридцать я должна сидеть в переговорной, слушать предложения коллег по модернизации оборудования и уверенно рассказывать о результатах проделанной за год работы.

Но кроме этого, я должна отвечать на вопросы. Смотреть людям в глаза. И выглядеть при этом безупречно.

— Давай, Ксюша, — тихо говорю я себе. — Соберись.

Закрываю зеркало и спешу в уборную. К счастью, здесь никого нет.

Бросаю косметичку на край раковины и открываю холодную воду.

Несколько секунд просто держу под струёй пальцы. Потом смачиваю бумажное полотенце и осторожно прижимаю к коже под глазами.

Повторяя механические движения по ликвидации оставшегося макияжа то и дело вспоминаю, как звучал голос Мирона, когда он уходил из кабинета.

Его интонация сказала сама за себя: он подаёт на развод, и это не обсуждается.

Я застываю с мокрым полотенцем в руке и окончательно понимаю, что это конец не только для нашего брака, но и для нашей компании.

Выживет ли она, если мы поделим бизнес? Сомневаюсь.

Нужно не забывать, что как добрая, так и плохая слава бежит вперёд человека. А в нашем случае это не только о семье, но и совместном деле тоже.

Выбрасываю полотенце и достаю новое.

После мыслей о разводе и крахе компании у меня следом возникает другой вопрос: где сейчас Мирон?

Я даже не представляю, что он делает после нашего разговора. Пытается остыть или, наоборот, накручивает себя ещё сильнее?

Кому звонит? Что решает предпринять? Или пустит всё на самотёк?

Достаю телефон. Экран пустой. Ни сообщения, ни пропущенного вызова.

«Не делай глупостей»? — единственное, что пишу ему.

Снова сосредотачиваюсь на своём лице. Время бежит, а я по-прежнему выгляжу плохо.

Выдавливаю на палец немного консилера. Аккуратно похлопываю по коже, стараясь скрыть красноту кожи.

Получается не идеально, но уверена: если кожу больше не трогать, краснота скоро сойдёт.

Остаются красные веки и блестящие от слёз глаза, но это хотя бы можно списать на усталость.

Никто не заметить, если не станет пристально разглядывать моё лицо.

Пудра. Немного румян. Помада спокойного оттенка. Всё, я готова к совещанию.

Впрочем, я готова не только к нему. Теперь я готова к решению о разводе. В конце концов, если меня не хотят слышать, я не буду кричать громче. В этом нет никакого смысла.

Совещание проходит в штатном режиме. Ничего нового или чрезвычайного.

Вечером я возвращаюсь домой и понимаю, что Мирона здесь не было. Он не приезжал.

Скорее всего, он не появится, пока мы окончательно не разберёмся в этой ситуации.

Впрочем, это меня не удивляет. Я знаю его импульсивный характер и уверена: теперь он постарается свести наше общение к минимуму.

За время совместной жизни уже случалось, что в порыве злости он говорил мне обидные вещи, о которых потом жалел.

В итоге мы договорились больше не ранить друг друга словами и пришли к единому мнению, что действовать должны так: если кто-то из нас сердится, мы даём друг другу остыть и несколько часов не видимся.

Только теперь у нас история не просто о злости или недовольстве. У нас настоящая катастрофа! И как мы выживем в этом урагане страстей — неизвестно.

Глава 12

Всю ночь я не сплю. Но теперь думаю не о Мироне, а о том мужчине, который появился словно из ниоткуда.

И он, и я — мы оба знаем, что не знакомы. Но этот Дмитрий усердно пытается убедить меня, что я для него любовница. Зачем?

Снова перебираю в голове возможных врагов, но не нахожу ответа на вопрос — кто бы это мог быть.

С нами никто не конкурирует, мы прочно стоим на ногах. И даже если в наши отношения внесут временную смуту, наш бизнес вряд ли пошатнётся.

На следующее утро я встаю разбитая и замечаю сообщение от мужа:

«Сегодня встреча в твоём кабинете. Я буду не один, а вместе с юристом. Я пригласил стороннего. Нечего нашим участвовать в семейных разборках. Найди и ты себе кого-то со стороны, не втягивай сюда подчинённых. П.с. Если нужно, я готов оплатить его услуги».

Я перечитываю сообщение дважды. Слова короткие, сухие, будто их написал не человек, с которым мы делили не один десяток лет, дом и жизнь, а деловой партнёр, которому нужно согласовать обычную встречу.

Вот, значит, как. Всё-таки решил не ждать. Сразу юристы и развод.

В том, что Мирон действует на эмоциях — в этом я почти не сомневаюсь.

Он, бывает, сначала принимает решение, а уже потом думает о последствиях.

И всё же от этой мысли не становится легче и она не утешает меня. Считаю, что зря он так поступает. Ведь я уверена: однажды он пожалеет, что позволил злости выбрать за него.

В любом случае я не стану его останавливать. Больше я не намерена писать ему, звонить, уговаривать не торопиться, просить о встрече или убеждать, что моя вина пока не доказана.

Если он решил, что наш брак закончился на такой странной ноте, значит, пусть так и будет.

Хочет разводиться — будем разводиться. Какой смысл цепляться за человека, который не желает верить мне?

Когда стрелки показывают полдень, в дверь стучат.

— Войдите, — говорю я уверенно.

Мирон, как предупреждал меня в сообщении, появляется на пороге не один. Рядом с ним мужчина средних лет.

Тот одет строго и неброско: тёмный костюм, светлая рубашка, в руке кожаная папка.

Мужчина чуть слышно здоровается и проходит к столу. Затем занимает место напротив меня, кладёт папку перед собой и аккуратно расстёгивает её.

Достаёт документы, поднимает голову и смотрит на меня. Готовится говорить.

Мирон в это время остаётся стоять в стороне, словно он лишь свидетель, от которого больше не требуется никакого решения или пояснения.

Я не смотрю на юриста, я смотрю на него, надеясь увидеть хоть тень сомнения или сожаления. Но его лицо ничего не выражает. Разве что лишь равнодушие.

— Мирон, ты уверен в том, что делаешь? — всё-таки не сдерживаюсь и спрашиваю своего мужа.

После вопроса тишина. Он словно не слышит меня. Чужой. Закрытый. Холодный как айсберг. Он выглядит как обиженный и оскорблённый мужчина.

— Мирон! — повышаю голос.

Наверное, не стоит выяснять отношения при чужих, но я обязана задать ему этот вопрос последний раз. Потому что назад дороги не будет.

Я тоже не из тех, об кого можно вытереть ноги как о придверный коврик, а потом передумать, извиниться и ждать, что я всё прощу.

— Итак, начнём. Меня зовут Валерьян Степанович. Как вы поняли: я представитель вашего мужа.

Пока мужчина сыплет умными терминами о том, как нам нужно готовиться к бракоразводному процессу, я не свожу с мужа взгляд.

Чувствую, как Мирон не выдерживает его. Он разворачивается и уходит к окну. Делает вид, что сосредоточен на виде из окна.

Только я точно знаю, что он нервничает не меньше моего.

— Вы готовы расторгнуть брак без проволочек? — спрашивает адвокат. — Ваша дочь уже совершеннолетняя, поэтому её возраст не станет препятствием для бракоразводного процесса.

— Готова. Но при условии, что мы сможем договориться о честном разделе имущества. У нас его, как понимаете, довольно много. Кроме того, компания…

Когда я говорю про раздел имущества, замечаю, как адвокат заметно хмурится.

— Что-то не так?

Представитель мужа мне не отвечает. Вместо этого он поворачивается к Мирону и молчит. Смотрит на него выжидающе. Вероятно, ждёт объяснений.

— Мирон Алексеевич, какое имущество имеет в виду ваша супруга? — тихо бормочет он. — Я полагал, вы уже всё обсудили...

— Всё так, Валерьян Степанович. Мы обо всём договорились. Продолжайте, — невозму

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.